

Научная статья

УДК 341.4

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).146-153

EDN DWWHAV

Устав Международного военного трибунала 1945 года и становление международного права

Марк Наумович Рудман*Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия**markrudman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-3690>*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается историко-правовое и политическое значение организации и проведения Нюрнбергского трибунала как международного суда, впервые продемонстрировавшего возможность реализации норм международного права по отношению к государствам, совершающим преступления против человечности. Подробно рассмотрены теоретико-правовые предпосылки и проблемы проведения первого в истории международного суда над обладающим суверенитетом государством, а также отдельные аспекты деятельности правительств стран — лидеров антигитлеровской коалиции по их преодолению. Выявлены фундаментальные идеи западного права эпохи Просвещения, развитие которых в период расцвета и кризиса индустриального общества определило саму возможность возникновения международного права, фиксирующего универсальные ценности мирового сообщества через институт прав человека. Подчеркивается значение первых международных конвенций, устанавливающих ограничения государств в выборе средств ведения войны в формировании юридической основы осуждения на международном военном трибунале военных преступников, действовавших от имени своего государства в годы Второй мировой войны. Разработка Устава Международного военного трибунала как первого международного договора, заключенного с целью привлечь к ответственности за преступления против мира, правил ведения войны и человечности, характеризуется как переломный момент в развитии международного права, доказывающий его эффективность в форме гарантированного наказания независимо от публичного статуса обвиняемых, являвшихся высшими должностными лицами нацистского государства. Автор приходит к однозначному выводу о том, что разработка Устава Международного военного трибунала 1945 года и проведение на его основе Нюрнбергского трибунала стали результатами достижения политико-правовых компромиссов между союзниками. Сам факт таких компромиссов стал условием последующего становления международного права как договорной основы создания мирового сообщества наций, объединенного ценностью доктрины прав человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международное право, суверенитет, тоталитарный режим, антигитлеровская коалиция, права человека, социальный прогресс

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рудман М.Н. Устав Международного военного трибунала 1945 года и становление международного права // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 2. С. 146–153. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).146-153. EDN DWWHAV

Original article

Charter of the International Military Tribunal of 1945 and the formation of international law

Mark N. Rudman*Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia**markrudman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-3690>*

ABSTRACT

The article discusses the historical, legal and political significance of the organization and holding of the Nuremberg Tribunal as an international court, which for the first time demonstrated the possibility of implementing the norms of international law in relation to states that commit crimes against humanity. The theoretical and legal prerequisites and problems of holding the first in the history of an international court over

© Рудман М.Н., 2023

a sovereign state, as well as certain aspects of the activities of the governments of the countries — leaders of the anti-Hitler coalition to overcome them, are considered in detail. The fundamental ideas of Western law of the Enlightenment are revealed, the development of which during the period of prosperity and crisis of industrial society determined the very possibility of the emergence of international law, fixing the universal values of the world community through the institution of human rights. The importance of the first international conventions that establish restrictions on states in the choice of means of warfare in the formation of the legal basis for the conviction at the international military tribunal of war criminals acting on behalf of their state during the Second World War is emphasized. The development of the Charter of the International Military Tribunal, as the first international treaty concluded to bring to justice for crimes against peace, the rules of war and humanity, is characterized as a turning point in the development of international law, proving its effectiveness in the form of guaranteed punishment, regardless of the public status of the accused who were top officials of the Nazi state. The author comes to the firm conclusion that the development of the Charter of the International Military Tribunal of 1945 and the holding of the Nuremberg Tribunal on its basis were the results of political and legal compromises between the allies. The very fact of such compromises became a condition for the subsequent formation of international law as a contractual basis for the creation of a world community of nations, united by the value of the doctrine of human rights.

KEYWORDS

international law, sovereignty, totalitarian regime, anti-Hitler coalition, human rights, social progress

FOR CITATION

Rudman M.N. Charter of the International Military Tribunal of 1945 and the formation of international law. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(2):146–153. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).146-153. EDN DWWHAV

Введение

Организация и проведение международно-го военного трибунала в Нюрнберге стало эпохальным событием в истории международного права и международных отношений. При этом в наибольшей степени его организация и проведение являлись наиболее значимым событием для истории европейской цивилизации и европейского права. Основание характеризовать проведение международного суда над военными преступниками в Нюрнберге, предполагавшим решение вопроса о преступном характере суверенного государства, как вершину сотрудничества множества государств в решении вопроса о выработке общих принципов международных отношений, заключено в истории становления европейской цивилизации.

Результаты исследования

Движущей силой развития Европы Нового времени являлась фундаментальная идея об универсальности права в качестве одновременно естественного и социального закона, определяющего саму возможность существования и развития общества, сделавшего возможным практическое воплощение идей всеобщего равенства и индивидуальной свободы. Способность публичной власти обеспечить их трансформацию от библейских идеалов до практического воплощения в социальной практике национальных государств отражала уникальность новоевропейской правовой культуры и позволяла претендовать на мировое лидерство в плане разработки универ-

сальных принципов общественных отношений, обеспечивающих социальный прогресс. Характерный для эпохи становления индустриального общества европоцентризм экономического могущества стал возможен именно благодаря огромному социальному потенциалу идеалов индивидуальной свободы и социального равенства, реализованному в конституционных актах европейских наций Нового времени. Общая для всех национальных общностей европейского типа идея признания их абсолютной ценности обеспечивала гуманистически и рационально обоснованное взаимопонимание национальных государств, возникших в пределах «Большой Европы» [1, с. 195]. И именно такое согласие позволяло философам права, систематизировавшим рассматриваемые идеалы для их воплощения в политически значимых конституционных актах, предполагать осуществимость идеи «мирового государства» [2, с. 53]. Само название доктрины, сформулированной И. Кантом путем переосмысления наследий европейской культуры, порождало уверенность в том, что такая политико-правовая конструкция способна обеспечить мировой правопорядок, гарантированный рациональной и гуманистической универсальностью фундаментальных принципов конституционного права, реализованных в стремительно развивающихся национальных государствах Нового времени [3, с. 260].

Фактом трагического финала новоевропейской цивилизации стала дегуманизация существования национальных государств, которые, как

показала история кризиса либерализма конца XIX — начала XX века, под давлением сложности проблем «догоняющего развития» оказались вполне способны сменить общечеловеческие идеалы первых конституций на парадигму борьбы за «жизненное пространство» и «радикальный расизм» [4, с. 13]. Доказанная жизненность диалектического подхода, проявившаяся в том, что идея национального суверенитета сначала стала главной движущей силой всестороннего социального прогресса, а затем послужила политической основой возвращения государства к средневековой практике организованного насилия и террора с целью завоевания «жизненного пространства», но уже с применением технических достижений индустриальной цивилизации, теперь демонстрировала оборотную сторону доктрины национального суверенитета. Под ее защитой правительства центрально-европейских государств начали мировые войны, а их противники не смогли предпринять действительно эффективных мер по противодействию организованному государственному террору во внутренней политике первых ультранационалистических государственных режимов, а затем и по предотвращению угрозы агрессии, объявленной от имени национальных государств против соседей, что привело к двум мировым войнам.

В качестве обобщающего культурно-исторического вывода из событий мировых конфликтов можно выделить дискредитацию абсолютной значимости национального суверенитета, которая послужила «правовой» защитой тоталитарных режимов от давления со стороны правительств государств, ранее выступавших мировыми политическими лидерами и обладавших военно-техническими ресурсами для предотвращения подготовки агрессии со стороны Германии и ее союзников, но психологически неспособных нарушить фундаментальный правовой принцип уважения суверенитета национального государства.

Именно этим обстоятельством объясняется политика «поощрения агрессии» межвоенного периода, которая привела в итоге к Второй мировой войне, обусловившей необходимость лидеров антигитлеровской коалиции провести первый в истории судебный процесс над лицами, возглавлявшими с 1933 года суверенное правительство нацистской Германии.

Фактически идея организации международного трибунала над военными преступниками представляла собой замысел суда над государством, что потребовало от его организаторов

пересмотреть фундаментальные основы права, в рамках которых не были предусмотрены условия, когда в качестве субъекта преступления выступают лица и органы, наделенные от имени национального государства публичной властью. Официальное решение руководителей стран — лидеров антигитлеровской коалиции о проведении будущего международного суда как первого судебного процесса, призванного определить наказание за нарушение норм международного права, стало прецедентом, отражающим возможность процессуальных гарантий реализации норм международного права. Сам замысел международного суда над «военными преступниками» отражал принцип подсудности государственных учреждений и государства в целом в качестве субъектов развязывания агрессивной войны.

Это отношение как общий результат трагедии Второй мировой войны позволило государствам — лидерам антигитлеровской коалиции, представлявшим глобальные доктрины направлений развития социального прогресса, выработать принципы международного права, основанные на «правах человека» как общечеловеческих ценностях, нарушение которых должно пресекаться усилиями наднационального сотрудничества наций. Именно такой подход стоял в основе создания в 1945 году Организации Объединенных Наций как субъекта формирования наднационального права, призванного не допустить в последующем развитии мировой цивилизации нарушений фундаментальных прав личности со стороны государств, не признающих универсальных идей свободы и равенства личности.

Согласие лидеров СССР, США, Великобритании и Франции по поводу содержания универсальных ценностных основ международного права, основанных на выработанных в эпоху Просвещения институтах неотчуждаемых прав личности, обеспечило становление международного права как нормативной базы международного сотрудничества.

Духовно-ценностной и правовой основой сотрудничества передовых государств в рамках антигитлеровской коалиции, позволившей остановить человеконенавистническую практику Третьего рейха и его союзников, стал синтез универсальных идей конституционного права, эффективность которого доказывалась опытом сверхдержав, объединенных в условиях системного кризиса европейского общества стремлением по-своему, но гарантировать свободу личности в будущем человечества. Движущей силой развития гуманистического права в исто-

рии стран западной цивилизации стала борьба за права гражданина, послужившая универсальным фундаментом становления национальных государств, социального и научно-технического прогресса в Новое время. Основанная на идее абсолютной социальной ценности индивидуальных прав идеология либеральной демократии являлась, по определению Г. Бермана, «первой светской религией» [5, с. 48]. В истории права либеральная демократия стала первой системной концепцией, решительно расставшейся с традиционным христианством, и в то же время сохранившей присущее ему «чувство священного» и ряд его основополагающих социально значимых ценностей. Система советского социализма, если ее расценивать именно как предлагаемую лидерами и ориентированную на будущее систему ценностей, стала хронологически второй «светской религией» [6, с. 119]. Ее содержание уже в большей степени определялась системным социально-политическим кризисом индустриального общества в первой половине XX века. Но она характеризовалась близким к идеологии либеральной демократии стремлением более эффективного обеспечения «благ свободы», хотя в качестве обладателей таких благ предлагались уже не граждане буржуазного национального государства, а массы появившихся в условиях кризиса индустриальной свободы «трудящихся и эксплуатируемых» [7, с. 103].

Распространение и синтез имевших общие корни в традиционном христианстве правовых идеологий либерализма и социализма сделали возможным как научно-технический, так и социальный прогресс, и перспективы охвата его достижениями всего человечества. Эти процессы послужили объективной основой формирования в XX веке международного права, оформленного в терминологию доктрины «прав человека». Первые попытки создания международно-правовых гарантий прав человека в рамках доктрины соблюдения «законов войны» были неэффективными в силу практической невозможности организации принуждения по отношению к государствам как носителям национального суверенитета. Историко-правовые предпосылки юридической системы публичной защиты прав личности исторически были связаны с буржуазными революциями XVII–XIX века. В результате первые нации как суверенные политические сообщества впервые провозгласили и утвердили в практике осуществления публичной власти неприкосновенность прав человека, т. е. прав, которыми каждый индивид обладает по факту

рождения. Таким образом, в Новое время были созданы системы национального права, обеспечивающие защиту прав «человека и гражданина» от произвола со стороны национального государства, но они не распространялись на случаи организованного насилия по отношению к гражданским лицам, не находящимся под юрисдикционной защитой конкретного национального правительства. Тем не менее универсальное общечеловеческое значение первых Деклараций прав и конституций Нового времени для становления современного международного права состояло в том, что они сделали права и свободы личности институтами публичного права и положили начало разработке механизмов их защиты. Но эти механизмы касались только внутреннего права национальных государств [8, с. 381].

Важнейшим этапом создания современной международно-правовой системы защиты прав человека стали принятые представителями множества государств на конференции в Гааге конвенции 1899 и 1907 годов о законах и обычаях сухопутной войны. В мае 1899 года по предложению российского императора Николая II в Гааге прошла первая всемирная конференция по ограничению вооружения, на которой присутствовали представители 26 государств. На второй гаагской конференции, проходившей с июня по октябрь 1907 года, участвовало уже 44 государства. Ее результатом стало принятие 13 конвенций о правилах ведения сухопутных и морских войн, регулировавших различные стороны прав и обязанностей участников военных действий, а также нейтральных государств и лиц. В целом гаагские конвенции 1899 и 1907 годов были направлены на создание обязательной для всех государств и других участников войн системы норм международного права, которая, не используя прямо категории прав человека, была направлена на защиту гражданского населения, не участвующего в военных действиях, от произвола государств и их вооруженных сил. Они фиксировали правила ведения войн с целью создания прецедента международно-правовой защиты лиц, не участвующих в военном противостоянии [9, с. 7]. Фундаментальное значение принятых актов состояло в официальном признании всеми участниками международных соглашений того, что суверенитет государства не является неограниченным в случаях нарушения прав человека в ходе военных действий по отношению к мирному населению. Таким образом, идея международной системы по обеспечению соблюдения суверенными субъектами международных

отношений прав человека была сформулирована, но она требовала нарушения краеугольного камня всей системы западного права, определившего становление мировой цивилизации — государственного суверенитета. И создание системы принуждения государств к соблюдению прав человека в пределах его юрисдикции представлялась всем практически мыслящим правоведам и политикам неосуществимой.

Этот барьер в правовом мышлении всех представителей западной цивилизации не позволил сформировать систему коллективной безопасности после Первой мировой войны. По этой же причине не были в итоге привлечены к уголовной ответственности должностные лица Германской империи за военные преступления, совершенные германской армией во время «империалистической бойни» 1914–1918 годов.

Отсутствие механизмов принуждения государств к соблюдению международных договоров стало одним из ведущих факторов развязывания Второй мировой войны. Поэтому усилия лидеров западной цивилизации и Советского Союза в плане согласования действий по разгрому Третьего рейха и создания стабильной системы международных отношений базировались на общем признании выработки системы общечеловеческих ценностей на основе прав человека, а различия в подходах касались выбора приоритетного значения политических и социально-экономических прав. Но близкий характер проблем, которые пришлось решать в условиях кризиса индустриального общества, привел и к сближению допустимых методов государственного регулирования. Наиболее наглядным примером такого сближения являются «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, впервые в истории США допускавший административное вмешательство правительства в регулирование экономических отношений, и принятие в СССР Конституции 1936 года, в которой впервые был выделен раздел о правах советского гражданина¹.

В 1941 году Ф.Д. Рузвельт формулирует универсальные «Четыре свободы» применительно к индивидам, а не к нациям. Они были выработаны всем опытом становления западной цивилизации с учетом трагических последствий массовой безработицы и уже начавшейся мировой

войны. Поэтому наряду со свободой слова и вероисповедания, четыре универсальные свободы, предлагаемые в качестве ценностного и правового фундамента будущего международного права, включали свободу от нужды и свободу от страха перед военной агрессией [10, с. 140]. В этой формулировке впервые имел место синтез классических свобод с марксистским подходом в обеспечении свободы, реализованным в советской модели конституционного строя.

«Декларация Объединенных Наций» 1942 года, как первая попытка сформулировать идеологию будущей международной организации на основе общечеловеческих ценностей, призывала к «полной победе» над нацизмом, обозначая в качестве основных целей такой борьбы необходимость «сохранить права человека». Из этого следовали планы подписавших ее правительств, включая представителя Советского Союза, создать новую систему международной безопасности с целью противостояния преступной деятельности «диких и зверских сил, стремящихся покорить мир»².

Сразу после победы над государствами-агрессорами в 1945 году содержание доктрины прав человека, включившей в ходе глобального кризиса индустриального общества принципы либерализма и социализма, позволило сформулировать уголовно-правовую основу ограничения права государства на вооруженное насилие, объективной стороной которого послужил опыт государственного террора нацистской Германии и ее союзников в годы Второй мировой войны. Принятый в Лондоне 8 августа 1945 года «Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси», таким образом, ограничивал государственный суверенитет недопустимостью совершения преступлений, во-первых, против мира, во-вторых, военных преступлений в форме разработанной ранее доктрины «нарушения законов или обычаев войны», реализованной в межвоенный период путем принятия международных конвенций, запрещающих указанные нарушения, в-третьих, преступлений против человечности³.

Учитывая, что Устав от 8 августа 1945 года был принят от лица правительств стран — лиде-

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : утв. Постановлением чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05 дек. 1936 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 01.02.2023).

² Декларация Объединенных Наций : принята в г. Вашингтоне 1 янв. 1942 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883323> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Устав международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси : принят в г. Лондоне 8 авг. 1945 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 01.02.2023).

ров антигитлеровской коалиции, указанные составы рассматривались в качестве уголовных преступлений международно-правового характера. Этот факт сам по себе позиционировал наличие международного права в качестве системы норм, нарушение которых, как показали прецеденты принятия Устава и проведения международного военного трибунала в Нюрнберге, влечет за собой уголовную ответственность [11, с. 19].

Учитывая публичный статус обвиняемых, совершавших преступления в качестве высших должностных лиц государства, в положениях Устава от 8 августа 1945 года неоднократно подчеркивалось, что они несут ответственность именно с учетом этого статуса в качестве инициаторов, руководителей, исполнителей и пособников преступлений против мира, законов ведения войны и человечности. В статье 7 Устава от 8 августа 1945 года исключалась возможность освобождения от наказания или его смягчение на основании должностного положения обвиняемых. В статье 8 аналогичное отношение было установлено для обвиняемых, совершавших преступления на основании исполнения должностных обязанностей по приказу вышестоящих должностных лиц.

Небывалый для истории права характер подготавливаемого принятием Устава от 8 августа 1945 года международного суда за преступления против мира, правил ведения войны и человечности проявлялся в том, что с формально-юридической точки зрения сомнительной представлялась легитимность деятельности Нюрнбергского трибунала. Адвокаты обвиняемых строили защиту на констатации отсутствия норм международного права, предусматривающих уголовную ответственность руководителей суверенных государств за планирование, развязывание и ведения агрессивной войны в связи с неопределенностью самого понятия «агрессия», в связи с чем утверждалась неправомерность использования данного термина для формулировки состава преступления. Аналогичным образом в пользу обвиняемых защита трактовала и принцип законности, согласно которому если деяние прямо не запрещено к моменту его совершения уголовным законом, то является незаконным привлечение за его совершение к уголовной ответственности.

Обвинение строилось на фактах покушения обвиняемыми на ранее утвержденные международными договорами в качестве неприкосновенных прав человека, нарушение которых со стороны государства само по себе лишает его власть легитимности с точки зрения междуна-

родного права. Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года опирался на нормы и принципы международного права, закрепленные международными конвенциями 1907, 1924 и 1929 годов, а также принятыми в годы Второй мировой войны договорами стран — участниц антигитлеровской коалиции, на ряд других международно-правовых актов. Признание «агрессивной войны» международным преступлением было зафиксировано принятым в 1924 году Женевским протоколом о мирном разрешении споров, а также Декларацией Лиги Наций об агрессивных войнах от 27 сентября 1927 года [12, с. 169].

В годы Второй мировой войны они были дополнены Декларацией Объединенных Наций 1942 года. В ее содержании правительства 26 государств взяли на себя международные обязательства, следующие из цели «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Часть из них состояла в привлечении к ответственности нацистского правительства от имени мирового сообщества. Это соглашение узаконивало с точки зрения международного права деятельность правительств стран — лидеров антигитлеровской коалиции по организации международного военного трибунала 1945 года.

Все указанные в Уставе от 8 августа 1945 года составы преступлений против мира, законов ведения войны и человечности были направлены на нарушение фундаментальных основ взаимодействия мирового сообщества — универсальных прав человека, которые в это же время стали фундаментальной основой разработки международно-правовых документов для создания Организации Объединенных Наций. Нарушение этих прав в ходе Второй мировой войны государствами-агрессорами стало основанием для разработки правовых и политических мер наднационального характера, которые были предназначены для недопущения таких трагедий в будущем. Процессуальными мерами международно-правового характера, которые должны были носить предупредительный характер для всех правительств, отвергающих права человека в качестве ограничений своего суверенитета, стали, во-первых, проведение на основе принятого в Лондоне Устава Международного военного трибунала суда над нацистскими военными преступниками в Нюрнберге, во-вторых, учреждение ООН как субъекта международного права. В качестве одной из ведущих целей ее создания предполагалось создание более эффективной по сравнению с довоенным

периодом системы международной безопасности для пресечения политики отдельных государств, нарушающих права человека, зафиксированные в учредительных документах ООН, а затем в Международном билле о правах.

Заключение

Таким образом, эпохальным достижением Устава Международного военного трибунала, на основе которого в Нюрнберге был проведен первый в истории международный суд над военными преступниками, стало признание правомерности ограничения государственного суверенитета в случаях перечисленных составов преступлений, субъектом которых могло выступать только государство. Именно запрет государствам совершать преступления против мира, военные преступле-

ния и преступления против человечности, послужил концептуальной основой становления международного права. Формально-юридическим началом этого процесса стало именно принятие рассматриваемого лондонского Устава. Достигнутые в ходе работы над его содержанием договоренности между союзниками по антигитлеровской коалиции относительно единого подхода к толкованию прав человека обеспечили при всех сохранившихся политических противоречиях согласие в вопросах содержания этико-правовой основы последующего развития международного права. Оно обеспечило учреждение ООН — субъекта формирования и защиты принципов наднационального регулирования международных отношений, а также разработку фундаментальных норм международного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рубинский Ю.И. Большая Европа: этапы становления / Ю.И. Рубинский. — EDN JUYVMX // Безопасность Евразии. — 2008. — № 3. — С. 195–218.
2. Вагнер Г. Дилемма Канта — его «Мировое государство». Как можно представить себе сегодня мировое сообщество? / Г. Вагнер. — EDN PBIAIH // Пространство и Время. — 2012. — № 3 (9). — С. 52–60.
3. Ивонин Ю.П. Проблема международной безопасности в политической теории И. Канта / Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина. — EDN SNRIPX // Вестник НГУЭУ. — 2014. — № 3. — С. 258–268.
4. Дюков А.Р. Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза / А.Р. Дюков. — DOI 10.24412/2409-1413-2021-2-6-69. — EDN RRIRND // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2021. — № 2 (25). — С. 6–69.
5. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман. — 2-е изд. — Москва: Изд-во МГУ, 1998. — 624 с.
6. Новикова О.И. Общечеловеческие ценности и советский конституционализм (Часть 2) / О.И. Новикова, М.Н. Рудман. — EDN DLNDEG // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 4. — С. 118–120.
7. Рудман М.Н. Синтез конституционных моделей США и СССР в новейшее время / М.Н. Рудман. — EDN ZIDPKD // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 8 (111). — С. 103–105.
8. Ковалев А.А. Международная защита прав человека / А.А. Ковалев. — Москва: Статут, 2013. — 589 с.
9. Гликман О.В. Значение гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. / О.В. Гликман. — EDN UQTOMU // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2018. — № 3. — С. 6–9.
10. Шлезингер А.М. (мл.). Циклы американской истории / А.М. Шлезингер. — Москва: Прогресс, 1992. — 688 с.
11. Бишенова М.М. Проблемы юрисдикции Нюрнбергского трибунала / М.М. Бишенова, Ф.М. Кулиев. — EDN YWZRSN // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 12. — С. 16–23.
12. Ильинская О.И. Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания Организации Объединенных Наций / О.И. Ильинская. — DOI 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176. — EDN ZFBVZR // Lex Russica. — 2017. — № 8. — С. 167–176.

REFERENCES

1. Rubinskii Yu.I. Greater Europe: stages of formation. *Bezopasnost' Evrazii = Safety of Eurasia*, 2008, no. 3, pp. 195–218. (In Russian). EDN: JUYVMX.
2. Wagner H. The Dilemma of Kant — his Global State. How is Nowadays to Construct a Global Community. *Prostranstvo i vremya = Space and Time*, 2012, no. 3, pp. 52–60. (In Russian). EDN: PBIAIH.
3. Ivonin Yu.P., Ivonina O.I. Issue of International Security in Kant's Political Theory. *Vestnik NGUEI = Vestnik NSUEM*, 2014, no. 3, pp. 258–268. (In Russian). EDN: SNRIPX.
4. Dyukov A.R. Nazi Ideology and Planning "War on Extermination" Against the Soviet Union. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovanii = Journal of the Russian and East European Historical Studies*, 2021, no. 2, pp. 6–69. (In Russian). EDN: RRIRND. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-2-6-69.

5. Berman H.J. *Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge, Harvard University Press, 1983. 657 p. (Russ. ed.: Berman H.J. *The Western Tradition of Law: the Epoch of Formation*. Moscow State University Publ., 1998. 624 p.).
6. Novikova O.I., Rudman M.N. Human Values and Soviet Constitutionalism (Part 2). *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Eurasian Law Journal*, 2019, no. 4, pp. 118–120. (In Russian). EDN: DLNDEG.
7. Rudman M.N. Synthesis of the Constitutional Models of States and the Soviet Union in Modern Times. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Eurasian Law Journal*, 2017, no. 8, pp. 103–105. (In Russian). EDN: ZIDPKD.
8. Kovalev A.A. *International Protection of Human Rights*. Moscow, Statut Publ., 2013, 589 p.
9. Glikman O.V. The Meaning of the Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* = *International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 3, pp. 6–9. (In Russian). EDN: UQTOMU.
10. Schlesinger A.M. *The Cycles of American History*. Boston, Houghton Mifflin, 1986. 514 p. (Russ. ed.: Schlesinger A.M. *The Cycles of American History*. Moscow, Progress Publ., 1992. 688 p.).
11. Bishenova M.M., Kuliev F.M. Problems of Jurisdiction of the Nuremberg Tribunal. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* = *Social and Humanitarian Knowledge*, 2018, no. 12, pp. 16–23. (In Russian). EDN: YWZRSR.
12. Ilinskaya O.I. The Formation of the Principle Prohibiting Wars of Aggression before the Establishment of the United Nations Organization. *Lex Russica*, 2017, no. 8, pp. 167–176. (In Russian). EDN: ZFBVZR. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марк Наумович Рудман — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права. Уфимский университет науки и технологий. 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mark N. Rudman — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory of State and Law. Ufa University of Science and Technology. 450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, st. Zaki Validi, 32.

Поступила в редакцию / Received 17.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised 15.06.2023

Принята к публикации / Accepted 22.06.2023